

Алексей Евгеньевич Герасимов

Банкротства

Опасности, которые вас подстерегают

Алексей Герасимов

Банкротства

«ВЕЧЕ»

Герасимов А. Е.

Банкротства / А. Е. Герасимов — «ВЕЧЕ», — (Опасности,
которые вас подстерегают)

Прочитав эту книгу, вы ознакомитесь с историями многих знаменитых людей и гигантских компаний, пришедших к полному финансовому краху. В ней рассказывается о взлете и падении многих из тех, кто считался столпами благосостояния и экономического могущества. Но в первую очередь эта книга – о людях, об их борьбе, победах и поражениях.

© Герасимов А. Е.

© ВЕЧЕ

Содержание

Введение	5
Глава 1. Крах знаменитых фамилий	10
Конец флорентийского могущества. Дома Барди и Перуцци	11
Аугсбургская династия. Фуггеры	17
Финансист, заложивший абсолютизм. Жак Кёр	20
Каролинг, витающий в облаках. Клод Анри де Рувруа Сен-	23
Симон и его последователи	
Крах уральской династии. Потомки Турчанинова	29
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Алексей Евгеньевич Герасимов

Банкротства

Введение

Речь в этой книге пойдет в основном о банкротствах. Но не только о них и о грустном. «И среди печали бывает радость, и посреди праздника бывает горе», – говорил мудрый царь Соломон. И был прав. Эта книга в первую очередь о людях. Кто-то из ее персонажей слыл благороднейшим человеком, кто-то – отъявленным мерзавцем, некоторые были носителями самых обычных моральных качеств, но не это главное.

Кто-то, даже потерпев полное фиаско в делах, продолжал бороться и смог выбраться из финансовой бездны, как это произошло с Марком Твенем, кто-то опустил руки и умер в нищете и призрании. Некоторые, как О. Джей. Симпсон, свернули на кривую преступную дорожку. По-разному складывались судьбы людей после разорения. Оноре де Бальзак, например, половину своей сознательной жизни бегал от кредиторов.

«Не судите, и да не судимы будете, и какой меркой меряете, такой и вам отмерят». Кто осудит умирающего, измученного трудами Бальзака за то, что в последние годы он не смог подняться и расплатиться с долгами, оставив их погашение своей жене? Не достоин ли уважения Сен-Симон, который создал новую философскую школу, проживая в полнейшей нищете и питаясь только хлебом и водой?

Какое величие духа проявили многие из людей, чьи истории рассказываются в этой книге, какую силу воли! И на какие гнусности пошли другие, как низко пали! Всякое случается в жизни людской. В том числе и банкротства.

Собственно банкротством принято называть неспособность компании или частного лица расплатиться по долгам. Изначально это понятие применялось исключительно к банкам, этимология названия которых происходит от итальянского слова *banca* – «скамья». На этих *banca* в Венеции на площади Святого Марка сидели менялы и ростовщики, со временем занявшиеся банковской деятельностью. Некоторые из них разорялись, а соответственно, подлежали изгнанию с площади. В таких случаях их *banca* торжественно ломалась. Отсюда и пошло *banca rotta* – «сломанная скамья».

Деятельность средневековых банкиров была сопряжена с огромным риском, что отражалось в высоких процентных ставках, особенно возмраставших в тех случаях, когда приходилось выдавать ссуды королям. Были и другие пути к банкротству. Так, в результате паники начала XIV века крах потерпели богатейшие итальянские банкирские семьи Перуцци и Барди, что привело к финансовому кризису по всей Европе. В 1455 году обанкротился известный французский банкир Жак Кёр (1395–1456). В XVII веке наступили трудные времена для Фуггеров из Аугсбурга, которые вели дела по всей Европе и одно время считались самой богатой европейской семьей.

Историческое развитие института банкротства было поначалу таково, что разрешало казнить несостоятельного должника. Банкрота приравнивали к вору, надевали на него ошейник и помещали у позорного столба. Таким образом, несостоятельность ассоциировалась с позором. Так, Наполеон сравнивал неплатежеспособного должника с капитаном, покинувшим корабль, а факт несостоятельности рассматривал как преступление.

Конечно, разорялись не только банкиры и предприниматели – от суммы и от тюрьмы не зарекаются. Художники, поэты, ученые, музыканты – все они тоже порой попадали в долговую яму. Известные и почитаемые аристократы в одночасье оказывались без гроша в кармане, а никому не известные личности возносились на вершину славы и богатства.

Не стоит тут винить невезение или судьбу. Человек – сам кузнец своего счастья. И несчастья тоже. Случайность – это скрытая закономерность, и валить с больной головы на здоровую просто глупо, даже подло. Тот, кто разорен, должен обвинять в этом себя, только себя, исключительно себя одного. Где-то не рассчитал, где-то ошибся, в чем-то обмишулился, а капля камень точит. И вот, когда ошибки достигают критической массы, наступает коллапс. Падение. Крах. Банкротство.

Банкротство... Это страшное слово. Современная юридическая наука расшифровывает его как «отказ физического или юридического лица (компании, фирмы) платить кредиторам по своим долговым обязательствам по мотивам отсутствия средств».

Сухие формальные строки. А сколько горя, слез, отчаяния, сколько загубленных жизней! Какие человеческие трагедии стоят за этим словом! Разорившиеся компании, управляющие, стреляющие в себя, принимающие яд, бросающиеся из окон небоскребов. Сотни, тысячи безработных, оставшихся на улице без средств к существованию, голодные дети этих рабочих, не виноватых в том, что глупым, а то и преступным управлением руководители довели фирму до полного разорения, скандалы, которые закатывают им уставшие от нищеты жены. Апатия. Умершие надежды. Нищета.

Растоптанные, униженные люди, не сложившиеся судьбы, гениальные писатели, которые так и не выучились читать, великие ученые, которые не смогли поступить в школы, одаренные поэты, ворующие кошельки из сумочек, талантливые артисты, вымаливающие подавание. Дети банкротов. Мертвый, невостребованный потенциал. Рожденные летать ползают.

Кредиторы осаждают офисы разорившихся фирм, тщетно надеясь получить хоть что-то из того, что они в них вложили. Кровью и потом заработанные деньги, сэкономленные на самом необходимом, на еде, на одежде, были отданы ими в управление фирмачам. Они надеялись, что деловые люди, те, кто обладает талантом делать деньги, талантом, которого они, кредиторы, лишены, смогут заработать деньги для себя и для них. Что эти деньги станут им подспорьем, что они хоть немного улучшат их благосостояние.

Тщетно. Денег нет. Те, кто пришли первыми, еще успели кое-что получить, но остальные – увы. И собираются митинги обманутых вкладчиков, в жару и мороз стоят они перед закрытыми дверями офисов, требуя вернуть им их кровные.

Бывшие миллионеры идут работать грузчиками. Их семьи распадаются, те, кто совсем недавно назывались друзьями, отворачиваются. Им выражают неискренние соболезнования, злорадствуют за спиной, а то и в лицо смеются. На работу по специальности им устроиться практически невозможно – кто же доверит управлять делами человеку, который довел до краха свое предприятие?

Суд назначает внешних управляющих для ведения антикризисного производства. Да, законом эта мера предусмотрена, но она, как правило, не дает никаких положительных результатов. Если фирма разорилась, значит, она разорилась полностью. По статистике, управляющие, назначенные в арбитражном порядке, смогли вернуть к жизни только 5% (!) разоренных предприятий.

Конечно, в чем-то это закономерно. Если где-то что-то появилось, в другом месте это должно исчезнуть. Если один заработал, другой должен потерять деньги. Но разве тому, кто прогорел, легче от этой мысли? Нет, не легче. Хорошо философствовать, когда сидишь дома, у камина, а не тогда, когда денег на булочку с сосиской не хватает.

А желудку не объяснить, что денег нет. Ему все равно. Он требует пищи, он бурлит, бунтует, этот трудоголик хочет, чтобы его наполнили едой, которую он смог бы переварить. А если он избалован, если привык к пище хорошей, дорогой, качественной, если наполнялся в последнее время в элитных ресторанах, а не в закусочных и прочих забегаловках, перейти на грубую, хотя и сытную еду ему будет очень тяжело. К хорошему привыкаешь быстро. Это утверждение

истинно не только для человека, но и для составляющих его организма, для желудка же оно правдиво вдвойне. А когда в карманах пусто, пусто и в животе.

Отсутствие денег унизительно, хотя бедность, конечно же, не порок. Представьте, что ощущает человек, который недавно мог позволить себе все. Человек, который мог себе позволить купить для жены автомобиль «кадиллак» в качестве средства от кашля. И потерявший все. И деньги, и репутацию, и жену, которая на том же «кадиллаке» от мужа-неудачника и укатила.

Представьте себе эту бездну отчаяния, в которой оказывается банкрот. Подумайте о ее глубине, о том, как черно на душе становится у человека, который разорился. Многие спиваются, сводят счета с жизнью, уходят в глубокую депрессию. Очень хорошо эта ситуация описана Осипом Мандельштамом в стихотворении «Домби и сын»:

Когда, пронзительнее свиста,
Я слышу английский язык, —
Я вижу Оливера Твиста
Над кипами конторских книг.

У Чарльза Диккенса спросите,
Что было в Лондоне тогда:
Контора Домби в старом Сити
И Темзы желтая вода.

Дожди и слезы. Белокурый
И нежный мальчик Домби-сын.
Веселых клерков каламбуры
Не понимает он один.

В конторе сломанные стулья,
На шиллинги и пенсы счет;
Как пчелы, вылетев из улья,
Роятся цифры круглый год.

А грязных адвокатов жало
Работает в табачной мгле, —
И вот, как старая мочала,
Банкрот болтается в петле.

На стороне врагов законы:
Ему ничем нельзя помочь!
И клетчатые панталоны,
Рыдая, обнимает дочь.

Многие сдаются. Многие, но не все. Есть такие люди, и их немало, которые находят в себе силы начать все заново, с нуля, с чистой страницы. Которые поднимают голову, как бы больно судьба их ни била. Прирожденные бойцы по натуре своей, они никогда не сдаются, пробуют добиться успеха вновь и вновь – и добиваются. Пускай не сразу, не с первой и даже не с десятой попытки, но добиваются. Не всем дана такая внутренняя сила, далеко не всем, но те, кто ею наделен, заслуживают глубочайшего уважения.

Ну а те, кто этим качеством не наделен? Опускают руки? Ничуть не бывало. Если остается кто-то рядом, кто поддержит в трудную минуту, кто верит в успех этих людей, кто подталкивает

их к новой попытке, кто создаст надежные тылы, тогда человеку можно и должно бороться. Но если все предали и отвернулись, занять сил на борьбу просто не у кого.

И сидят такие люди на лавочках, голодным взором смотрят на продавца пирожков да предаются воспоминаниям о том, как ели суп с трюфелями, запеченных перепелов, осетрину да омаров, запивали их выдержанным «Божоле», а на десерт заказывали клубнику со взбитыми сливками.

И становится от таких мыслей на душе так темно, что хоть волком вой. Да и сыт воспоминаниями не будешь – не помнит живот добра. Наполняется рот слюной, а желудок властно напоминает о своем существовании. Есть хочется, и не обязательно устриц или икорки, супа из раковых шеек или черепахи, а хотя бы вон тот заветренный беляш с начинкой сомнительного происхождения, но здесь и сейчас.

Увы, безвозвратно миновали для банкрота те времена, когда утро он начинал с приготовленного заботливой горничной и поданного в постель молотого кофе с круасанами, а вечерами отдыхал с друзьями в баньке, под шашлычки да хорошую водочку. Теперь его удел – прокуренная кухня в коммуналке, самогон, который гонит соседка, и беломор вместо кубинских сигар. И это еще в лучшем случае! А бывает и так, что банкрот оказывается на улице без гроша в кармане, имея только то, что на нем надето.

Ночевать приходится на лавочках да в ближайшем участке милиции, куда свозят бомжей, есть всяческие отбросы да зарабатывать, собирая пустые бутылки. Голод, холод, нищета, побои – такова теперь их судьба.

Остаются у банкротов одни воспоминания. О доме с пятью спальнями, о ванной комнате размером с теннисный корт, об уютном кабинете, где дверцу сейфа, встроенного в стену, прикрывал подлинник Дюрера, о библиотеке, где рядом стояли прижизненные издания классиков, собственноручно ими подписанные, и прочих милых сердцу мелочах, которые делали жизнь столь приятной. Все ушло, все пущено с молотка.

Как жить такому человеку? Ведь он привык к тому, что у него есть все, он не приспособлен к обычному существованию, он когда-то жил на широкую ногу. Некоторые, кому позволяет здоровье, идут в бандиты, как это сделал Эвэлио Йованни Рейес, промотавший свое состояние и убитый при попытке ограбления. Но там, как и везде, все теплые места заняты, а «быки» долго не живут.

Есть и другие варианты. Гоген, например, стал всемирно известным художником только после того, как его банк лопнул. А ведь мало кто знает, что знаменитый живописец половину своей жизни был крупным бизнесменом.

Еще можно повесить нос и предаваться унынию, слушая, как урчит в животе. Однако голод не тетка и долго предаваться меланхолии не даст. Трудно вести жизнь отстраненного созерцателя, когда сосет в желудке и случаются обмороки от голода. Потому хотя бы, что думать ни о чем, кроме как о еде, не получается. Ко всему прочему, банкроты сильно рискуют получить пулю от мафиози, которым задолжали, или травмы различной степени тяжести от бандитов, нанятых кредиторами, желающими вернуть свои деньги назад. Многим приходится скрываться именно по этой причине, а отнюдь не потому, что удалось урвать свой кусок и «свалить за бугор».

Банкротство... Это всегда драма. Драма для того, кто обанкротился, и для тех, кто банкрота окружает. Издерганные, замордованные люди, униженные своей финансовой несостоятельностью, срываются на своих близких, и нужно просто ангельское терпение, чтобы выдерживать все их выходки, относиться к ним снисходительно.

Банкротство – вещь страшная. Не все могут встретить этот удар достойно. Те же, кто могут, обычно находят силы и на то, чтобы попытаться выйти из сложившегося положения. Зачастую им это даже и удается. Так или иначе, банкротами не рождаются, банкротами стано-

вятся. Возможно, какие-либо истории из этой книги помогут вам самим избежать банкротства. Да минует вас чаша сия.

Глава 1. Крах знаменитых фамилий

До того как пришла эпоха капитализма, в те времена, когда гордые феодалы возводили неприступные замки, а власть королей была достаточно слаба, уже находились семьи, которые по могуществу могли потягаться с любым королем и доходы которых превосходили доходы целых стран. Именно они заложили основу ростовщической, купеческой, ломбардной и банковской деятельности, они двигали прогресс и экономику Европы в те времена.

Да и позднее, когда власть монархов стала абсолютной, такие семьи и отдельные их представители продолжали оказывать влияние на тот путь, которым шло человечество. О них, о тех, кто создал мир таким, каков он есть, об их взлетах и падениях рассказывается в этой главе.

Конец флорентийского могущества. Дома Барди и Перуцци

Король Карл IV умер, не оставив наследников, династия Капетингов прервалась. Впервые за долгие века Франция оказалась на грани полного распада. Совет пэров срочно избрал новым королем двоюродного брата Карла IV, Филиппа де Валуа, принявшего имя Филипп VI. Выставлял свою кандидатуру и племянник Карла IV, английский король Эдуард III.

«Капетинг!», – кричали одни. «Только по матери, – сурово отвечали другие, – а значит, и не Капетинг. Негоже лилиям пряхсть». Претензии английского короля были отклонены. Тогда еще никто не мог предположить, что это событие приведет к краху двух могущественнейших банкирских домов Флоренции, саму Флоренцию, а затем и целый ряд государств, пользовавшихся услугами банковских домов Барди и Перуцци.

Ко времени начала Столетней войны Флоренция обладала наиболее развитой экономической и финансовой системой во всей Европе, могучие страны – такие, как Англия и даже контролирующая папу римского, держащая его в авиньонском плену Франция, – склоняли головы перед могуществом этой маленькой итальянской республики. Ведь ее мощь выражалась не в крепких каменных стенах, не в многочисленности и выучке армии и даже не в передовых видах вооружения – ничего этого у Флорентийской республики не было. Нет, могущество ее являлось куда более страшным для врагов. Могущество денег.

Появилось оно, конечно, не сразу и не вдруг. На его обретение были потрачены долгие годы и упорный труд, на этот алтарь было принесено огромное количество человеческих жизней.

Авиньон. Резиденция папы римского

Экономическую гегемонию Флоренции заложила, как это ни странно, гражданская война. В 1250 году в городе произошло восстание против аристократии, во главе которого стояли богатые купцы, цеховые старшины и прочие представители зажиточного, но политически бесправного населения. Эта первая в истории буржуазная революция, именуемая в хрониках Восстанием жирных простолудинов (*popolo grasso*), не только закончилась полным успехом, но и не повлекла за собой тех кровавых эксцессов, что позднее породили Английская и Французская революции (хотя утверждать, что дело обошлось без крови и казней, было бы глупо). Победители приняли Народную конституцию, которая дала людям простого сословия право участвовать в управлении родным городом, созвали приорат (межцеховой орган исполнительной власти, контролирующий жизнь городской коммуны) и начали чеканить новую золотую монету – флорин, ставшую на долгие годы образцом стабильности и надежности.

Далее борьба за власть пошла на удивление цивилизованным путем. Никаких репрессий, никакой военной диктатуры: *popolo grasso* объединились в партию Белых и начали отстаивать

свои завоевания путем парламентской борьбы. Это, конечно, не значит, что подкуп, шантаж или убийства в такой борьбе не использовались.

Большинство феодалов приняли правила новой игры и перешли на сторону Белых, выторговав крупные паи и высокие должности в прибыльных предприятиях. Ретроградам же не оставалось ничего иного, кроме как плести интриги и устраивать заговоры. Но с каждым годом их активность приносила все меньше результатов.

Флоренция

Флорентийские компании, а именно в этом городе термин «компания» (*compagnia*) в XIII веке и появился, вели самый доходный за всю историю Средних веков бизнес. В капиталистически и индустриально развитую Флоренцию они ввозили грубое сукно и шерсть, производящиеся в Англии и Фландрии, перерабатывали их в высококачественные ткани и продавали втридорога. К 1282 году вся власть во Флоренции сосредоточилась в руках трех крупнейших цехов: *Lana*, занимавшегося переработкой шерсти, *Calimala*, производившего суконные ткани, и *Cambio*, состоявшего из ростовщиков и менял. Финансовая мощь республики возрастала с каждым днем. Уже в 1320 году оборот сотни крупнейших компаний Флоренции составил 6 млн флоринов, что превышало, например, доход британской казны в 100 раз, а доход городской коммуны превысил отметку в 300 тыс. флоринов.

Для того чтобы получить беспрепятственный выход к морю, Флоренция начала присоединять к себе соседние города. Но не военной силой, нет! Республика их попросту скупала. На эти цели были выпущены облигации внутреннего займа, которые коммуна поручила разместить цеху *Cambio*, однако ростовщики не смогли полностью удовлетворить потребность города в денежных средствах. Приморские города искусно лавировали между интересами Флоренции, Пизы и Сиены таким образом, что компания Флорентийской республики по расширению границ, что называется, «провалилась торжественно», упокоив под своими руинами весь цех *Cambio*. Однако этот крах не был фатальным.

С развитием буржуазных отношений во Флоренции другие цеха тоже менялись, как менялась и эпоха. Цеха, пережиток эпохи феодализма, когда ремесленникам просто в силу необходимости приходилось объединяться против своих синьоров, все больше уступали свои права крупным компаниям.

По решению приората компаниям Барди, Перуцци и Уззиано было поручено ввозить из-за границы необработанные шерсть и сукно, Даттини и Питти должны были их перерабатывать, а Дель Бене надлежало производить их окрашивание и реализацию. Однако уже к 1330 году Домам Барди и Перуцци удалось поглотить своих товарищей по цеху и установить во флорентийской экономике олигополию.

Нельзя сказать, что им удалось произвести раздел Флоренции легко и непринужденно, но то, что этот успех был вполне заслуженным, – неоспоримый факт. Барди и Перуцци добились столь высоких результатов потому, что именно они первыми додумались занять освободившуюся экономическую нишу, которая ранее принадлежала цеху ростовщиков. Это именно они первыми предложили коммуне разместить очередной городской заем, за что и получили право на сбор налогов за помол зерна и винокурение. Не для казны, разумеется.

Начали эти компании и прием денег под небольшой процент и драгоценностей на хранение (собственно, от последнего вида деятельности, который они стали применять по всей Европе, и произошли современные ломбарды. Да и само слово «ломбард», кстати, родом оттуда же, поскольку в компаниях служили не только флорентийцы, но и другие жители Ломбардии, в которой расположена Флоренция).

Римская католическая церковь боролась с ростовщичеством. Особо на этом поприще отличились папы Александр III, Григорий X и Климент V. Последний и вовсе в 1311 году объявил всякое светское законодательство, разрешающее взимание процентов, противным учению Христа, а потому юридически ничтожным. Тем забавнее был тот факт, что именно Святой престол стал первым крупным иностранным клиентом флорентийских Домов, в ту пору с нуля воссоздававших общеевропейский финансовый рынок, разрушенный «заговором королей», который привел к национализации богатств ордена тамплиеров, имевшего отделения своих банковских контор не только по всей Европе, но даже и в Китае.

Дело в том, что к концу XIII века территории, подотчетные католической церкви, стали столь велики, что централизованно собирать налоги силами самой церкви стало очень и очень трудно. Постоянно срывались сроки по сбору и доставке десятины и иных церковных доходов, что подрывало всю экономику папства, к тому же именно в начале XIV века церковь нуждалась в деньгах как никогда. В Авиньоне, куда по воле Филиппа Красивого был перенесен Святой престол, шла стройка резиденции для папы – фактически там почти на пустом месте возводился новый крупный город.

Барди и Перуцци предложили свои услуги по сбору десятины на отдаленных территориях. Вначале они просто оказывали помощь по перевозке денег, однако несколько позднее ввели практику финансовых гарантий, после чего занялись обычными в наши дни денежными переводами. Ну а когда папам потребовалось еще больше денег, флорентийцы предложили Святому престолу замаскированный кредит. Суть сводилась к тому, что папе предлагали получить десятину авансом, а банкиры должны были собрать десятину сами. Потом. «Непримиримые борцы с ростовщичеством» согласились. Более того, флорентийцы получили от папы право на 10%-ную маржу (разницу между ценой и себестоимостью). Фактически Барди и Перуцци купили право нарушать догмат «Взаймы давайте, ничего не ожидая от этого».

Выкуп этого права принес свои плоды очень быстро. «Свои деньги на хранение купцам Флоренции отдавали многие бароны, прелаты и другие обеспеченные люди Неаполитанского королевства, Франции, Англии... Трудно назвать страну, где не знали бы о флорентийских компаниях, которые благодаря своим весьма разветвленным связям и крупным масштабам своей организации готовы были ссужать любую валюту почти в любом требуемом количестве», – писал Даттео Виллани, флорентийский хронист и член правления компании Перуцци.

Такое отступление церкви от своих позиций потребовало логичного обоснования. Тут же появилась теория о золотой середине, оправдывавшая накопление богатств в земной жизни и в том числе получение процентов с ссуды. Известный теолог и богослов Фома Аквинский вообще позволил себе высказывание, за которое еще лет 50 назад его бы предали аутодафе: «Богатство само по себе не может быть злом».

Кроме того, церковь всячески старалась защищать своих займодавцев. Если раньше любой феодал мог, выпучив глаза, заорать на служащего компании, явившегося за долгом: «Пшел вон, мерзавец, ничего я у грязных итальяшек не брал!», то теперь над ним нависала

угроза отлучения от церкви, а над его поместьем – интердикта. Кстати, в конторских книгах дома Перуцци сохранились записи о подобной операции по отлучению.

Один из французских баронов задолжал компании преизрядную сумму денег и платить не собирался вовсе. Компания направила своего служащего в Авиньон, где тот сделал подарок папскому секретарю, после чего быстро получил буллу о предании барона анафеме. Барон счел необходимым побыстрее заплатить долг. Все расходы на получение буллы, включая дорогу, составили 140 флоринов.

А когда орден госпитальеров Иерусалима задолжал Барди 133 тыс. флоринов, папа Иоанн XXII попросту отлучил «воинов Христовых» от церкви. И еще бы попробовал не отлучить! Взятки взятками, но ко всему прочему Барди завели в своем банке счет на имя... Господа Бога! На счет сего наиболее высокопоставленного клиента ежегодно зачислялось от 5 до 8 тыс. флоринов, которые затем передавались папским секретарям на устроение мессы по прощению ростовщичества. А теперь представьте себестоимость проведения одной мессы...

К тому же папская курия давала Барди и Перуцци рекомендательные письма ко многим европейским дворам. Так, в 1311 году папа римский Иоанн XXII рекомендовал эти компании королю Англии Эдуарду II, причем в качестве своих полномочных агентов. Момент был невероятно благоприятным – монарх судорожно искал деньги на войну против баронов, возглавляемых Мортимерами, и постройку Вестминстера заодно.

А Англия была лакомым кусочком для флорентийцев, ведь в ней производилась треть всей используемой в Европе необработанной шерсти, столь нужной для промышленности Флоренции. Однако английские законы были суровы к иностранным купцам. Им разрешалось проживать в Англии не более 40 дней, при этом свои склады или дома иметь на туманном Альбионе им воспрещалось – они должны были их арендовать у местных жителей. Такая похвальная забота о национальном купечестве ни Барди, ни Перуцци не устраивала. В 1311 году ими была проведена блестящая по своим результатам операция по внедрению на британский рынок и удалению основного конкурента.

Они предоставили небольшую в общем-то ссуду королю Эдуарду II от Перуцци – 700 фунтов стерлингов, от Барди – 2100 фунтов стерлингов. Благодаря этим достаточно мизерным вливаниям в английскую экономику ограничения для иностранцев в части применения их к этим флорентийским Домам были частично отменены. Более того, сиенская компания Фрескольди, которая в это время также наращивала свое присутствие в Англии, а с 1289 года собирала все таможенные налоги в стране в виде уплаты за ссуды, но новый кредит монарху не предоставившая, была полностью изгнана из владений британской короны.

Эдуард II

Правда, этими кредитами дело не ограничилось. Британской, а затем и Французской монархиям требовались деньги, и они прибегали все к новым и новым займам у флорентийцев. Поскольку отказать таким клиентам означало разделить судьбу Фрескольди, а денег на возврат займа у королей не было, расплачивались они преимущественно привилегиями. Так, с 1314 года флорентийцам было даровано право сбыта своей продукции по всей территории Англии «для удовлетворения своих интересов и в целях заботы о делах короля». С 1318 года им разрешили назначать своих представителей на государственные должности. В 1324 году Барди и Перуцци получили вожделенное право на закупку шерсти по всей территории Великобритании. Наконец компания Барди добилась права взимать таможенные пошлины и некоторые виды налогов в доменах короля. Тот же Виллани писал: «Наши компании ныне ведут своими средствами большую часть европейской торговли и питают почти весь мир. Англия, Франция, Италия и многие другие прежде преуспевающие государства оказались от нас в непокрываемой долговой зависимости, и, поскольку их годовых доходов не хватает даже на выплату процентов по займам, они вынуждены предоставлять нашим торговцам и банкирам все новые и новые привилегии. Наши представители взяли под свою руку сбор налогов, таможен и скупку сырья во многих государствах».

В 1327 году финансируемые теми же Барди и Перуцци Мортимеры свергли глупого и недалекого Эдуарда II, возведя на престол молодого и неопытного Эдуарда III, которому на момент коронации исполнилось всего 15 лет. Реальной властью молодой король почти не обладал, всем в королевстве управляла его мать, «французская волчица», как ее называли, и Мортимеры.

В годы правления Эдуарда III долг Англии вырос до совершенно нереальной суммы в 1,7 млн флоринов. Неудачная кампания против Шотландии финансировалась за счет флорентийских домов, выплата огромной контрибуции тоже легла на их плечи.

Уже в середине 30-х годов XIV века стали распространяться слухи о дебиторской несостоятельности английского короля. Ежегодный доход казны составлял около 60 тыс. фунтов стерлингов, но он постепенно сокращался из-за льгот иностранным купцам. Англии для погашения долга потребовалось бы либо несколько столетий, либо несколько победоносных войн.

Наконец Эдуард III, избавившийся от опеки матери и Мортимеров, предъявил претензии на освободившуюся корону Франции, а когда они были отклонены, объявил французам войну, впоследствии получившую название Столетней. Расходы на ее ведение обе стороны покрывали за счет займов у Барди и Перуцци. Это было тяжело для флорентийцев, но пока все еще выгодно.

Гром грянул в 1340 году. Флорентийская республика выпустила билеты государственного займа для борьбы с чумой и неурожаем, на которые начислялось 15% годовых. Это при том, что средняя рентабельность коммерческих предприятий той эпохи составляла 17%. По бумагам же Барди и Перуцци можно было получить всего 8% годовых.

Владельцы обязательств этих Домов ринулись их обналичивать, но наличных средств у Барди и Перуцци попросту не было – все «съела» война. Эдуард III, у которого флорентийцы попытались получить хотя бы часть своих кровных, заявил, что он, конечно, им очень сочувствует, но помочь ничем не может, поскольку казна пуста. А кредиторы требовали возврата денег...

После заявления короля, фактически объявившего о своем банкротстве, глава компании Перуцци скончался там же, в Лондоне, от сердечного приступа. Попытки получить долги французской короны привели к тому же эффекту – денег флорентийцы не увидели.

Барди и Перуцци судорожно пытались найти выход из сложившейся ситуации, но его просто не было. Барди попытались спасти положение путем государственного переворота. Попытка не увенчалась успехом только благодаря решительному сопротивлению нескольких, еще не значительных и не богатых, но стремящихся к власти и процветанию буржуазных родов – таких, как Медичи, например.

К 1344 году на Домах Барди и Перуцци был поставлен большой и жирный крест – эти, а также свыше 30 связанных с ними более мелких компаний объявили о своей полной финансовой несостоятельности.

Сначала волна разорений прокатилась по Флоренции, так как слишком многие кормились от доходов этих Домов. Затем последовал общеевропейский экономический коллапс. Обанкротились папа, Неаполитанское королевство, герцогство Кипр, а за ними последовала почти вся Европа.

Остаточные волны этого «экономического цунами» перекачивались по Европе еще два десятка лет, вызывая кризис за кризисом. Все тот же Виллани записал в своих хрониках: «Для Флоренции и всего христианского мира потери от разорения Барди и Перуцци были еще тяжелее, чем от всех войн прошлого. Все, кто имел деньги во Флоренции, их лишились, а за пределами республики повсеместно воцарились голод и страх».

Так возвеличились, достигли могущества и пришли к краху наиболее могущественные из когда-либо существовавших на Европейском континенте компании. Так пала Флоренция. Так пала экономика Европы.

Аугсбургская династия. Фуггеры

Однажды семейство Фуггеров, банкиров и купцов из Аугсбурга, испытало неземную радость. Еще бы, ведь сам император Священной Римской империи Карл V не только почтил их своим визитом, но и оказал высокую честь, остановившись на постой в их доме. Глава семьи приказал слугам положить в камин комнаты, где император должен был почивать, кору дерева корицы (200 талеров за унцию), дабы монарх насладился не только теплом, но и ароматом.

Разжигать камин направился сам хозяин, однако оказалось, что он не прихватил с собой ничего на растопку.

– Ах, Ваше Величество, у меня с собой только вот этот листок, но без Вашего позволения я не смею использовать его на растопку. На нем стоит Ваша подпись. Соболаговолите разрешить.

Император взглянул на документ и милостиво соизволил его использовать. Еще бы! Листок оказался долговой распиской самого Карла на 50 тыс. талеров.

Первоначально семья Фуггеров занималась ткачеством. Около 1367 года эта семья переехала в Аугсбург, где расширила дело, начав заниматься сбытом на внешние рынки продукции аугсбургских ткачей и поставками сырья для ткацких фабрик. Однако самой богатой и влиятельной семьей Европы Фуггеры стали при Якобе Фуггере, прозванном Богатым, и его племяннике Антоне.

Якоб Богатый родился 6 марта 1459 года. Не довольствуясь той налаженной системой, что оставили ему предки, он начал вкладывать деньги в горнопромышленные предприятия тирольских промыслов. Руководимые его железной рукой, Фуггеры приобретали и строили плавильни. Большие займы (а именно при Якобе Богатом его семья занялась ростовщичеством), которые Фуггеры давали Габсбургам, оплачивались тирольским серебром и медью, получаемыми Фуггерами по ценам значительно ниже рыночных. Со временем эта семья прибрала к рукам всю добычу металлов в Штирии, Тироле, Испании и Венгрии. Семья получала баснословные прибыли.

Якоба Фуггера прозвали Богатым отнюдь не напрасно – он был самым состоятельным европейцем в эпоху Возрождения. Якоб ссужал деньгами феодалов, королей и даже самого папу. Роскошь европейских дворов, военные кампании, выборы императора – все это финансировал он. Одно только то, что Карл V стал императором Священной Римской империи исключительно благодаря его помощи, говорит о многом.

История этого избрания такова. В 1519 году скончался император Максимилиан, и курфюрсты должны были выбрать нового императора. Претендентов на престол было трое: испанский король Карл V, французский король Франциск I и английский король Генрих VIII. Генриха, правда, всерьез как претендента никто не воспринимал, и основная предвыборная борьба развернулась между французской и испанской коронами.

Карл V

В те времена такие вопросы решались просто и открыто: кто больше заплатил, тот и победил. Франциск I предложил за свое избрание 350 тыс. гульденов. Тогда Карл V занял у Якоба Богатого 850 тыс. гульденов и таким образом перекупил курфюрстов.

Вот так простой купец (ну, положим, не простой, а очень богатый, но купец, а не монарх) решил судьбу всего германского народа.

Дабы власть имущие помнили, с кем имеют дело, Фуггер, общаясь с ними, всегда надевал золотую шапочку. Эта нехитрая демонстрация богатства не давала им забыть, кто их, несмотря на всю свою смиренность и принадлежность к более низкому сословию, субсидирует и за чей счет они кормятся. Кстати, именно в этой шапочке его изобразил Альбрехт Дюрер на одной из самых знаменитых своих картин.

Но не только сметка и деловая хватка помогли Якобу Фуггеру и его семье разбогатеть. Он создал эффективную разведывательную службу, кстати, одну из первых частных разведок в мире. Основой для его Intelligent Serves стали представительства торгового дома Фуггеров, имеющиеся в самых разных странах Европы. Будучи в курсе планов разных королевских дворов, а также конкурентов, Якоб мог с большой легкостью планировать ведение дел, а следовательно, и получать большую прибыль. А в этом он был неутомим. Когда один из его партнеров, человек возраста весьма преклонного, отошел от дел, то посоветовал сделать то же самое и Якобу Богатому. Мотивировал он свое предложение тем, что они уже люди немолодые, нажили много и пора дать заработать свою пару гульденов молодежи. На это Фуггер ответил, что наживаться он не перестанет до тех пор, пока это будет в его силах.

Впрочем, он не был таким уж бездушным хапугой и рвачом. Приобретая крупный земельный участок у самых стен Аугсбурга, он построил на нем целый район, где поселил бедных и старых людей. Район насчитывал более сотни домов, имел собственную больницу и церковь. Между прочим, этот район существует (и действует) до сих пор, являясь одной из достопри-

мечательностей Аугсбурга. Квартплата за проживание в нем является самой низкой в мире – 1 евро в год. На поселение в этот городок, «Fuggerei», жители отбираются по строгим правилам, установленным еще Якобом Богатым. Все они должны быть малообеспеченными, безупречного поведения, католиками и уроженцами Аугсбурга. Кроме ежегодной ренты, они по три раза на день возносят молитвы благодарности роду Фуггеров.

Кстати, Фуггеры стали косвенной причиной начала реформации в Германии. Они одолжили деньги Альбрехту Бранденбургскому на покупку кафедры архиепископа Майнцского. Дабы расплатиться с долгами, последний добился от папы Льва X разрешения на продажу индульгенций, доход от которых папа и архиепископ делили пополам.

Сия «высокая» миссия была поручена некоему Иоганну Тецелю, который повел продажу душеспасительных документов с таким цинизмом, что возмутил всю Германию. В результате Мартин Лютер опубликовал свои 95 тезисов, критиковавших деятельность Римской католической церкви.

В 1525 году Якоб Богатый скончался, и семью возглавил его племянник, Антон Фуггер. До своей смерти, последовавшей в 1560 году, он сумел увеличить состояние дома Фуггеров с 2 млн. до 7 млн. рейнских гульденов.

Первый удар по финансовому благополучию семьи Фуггеров произошел еще при Антоне. Наследник Карла V, Филипп II, взойдя на престол, получил не только страну, но и колоссальные долги своего предшественника. В 1557 году он объявил Испанию банкротом, так что все деньги, вложенные Фуггерами в Габсбургов, пропали.

Большой ошибкой Фуггеров стали новые инвестиции в Испанское королевство. В 1575 году Филипп II вновь объявил свою страну банкротом, и вложения Фуггеров пропали во второй раз. Такой потери Дом уже выдержать не мог – последовал экономический крах этой богатейшей семьи. Правда, до полного разорения они не дошли, ведь к тому времени Фуггеры давно получили титул имперских графов и купили обширные имения, однако торгово-промышленная компания их канула в небытие. Фуггеры стали самыми обычными, ничем не примечательными феодалами, и так и не смогли возродить экономическую мощь своего дома.

Финансист, заложивший абсолютизм. Жак Кёр

Шла Столетняя война. В 1449 году французский король Карл VII начал наступление на Нормандию, и на следующий год, после победы при Форминьи (близ Байё), полностью очистил ее от англичан. В 1451 году его войска завоевали Гиэнь, и хотя вскоре ее пришлось оставить, в 1453 году эта провинция вновь была отвоевана – на сей раз окончательно. Взятие Бордо в 1453 году, после победы при Кастийоне, фактически положило войне конец. У англичан остался только окруженный бургундскими владениями Кале.

Столь успешное окончание так неудачно для французов начавшейся войны стало возможно во многом благодаря созданию в 1445–1446 годах так называемых ордонансовых рот (1800 латников, 3600 лучников, 1800 кутилье в каждой) – первых, пожалуй, со времен падения Римской империи регулярных войск в Европе. Мало кому известно, однако, что с идеей создания таких войск выступил не король, не кто-то из его полководцев (опытных и талантливых командиров Карл VII привлек себе на службу в довольно большом количестве), а купец Жак Кёр.

Карл VII

Жак Кёр (Coeur) родился в городе Бурже около 1395 года. Будучи сыном богатого купца, он продолжил семейное дело и приумножил свое состояние. Начав с чеканки монет, он через некоторое время обратился к торговым операциям. Вскоре Кёр владел самым крупным торговым флотом своего времени, сам неоднократно путешествовал на Восток. Его корабли, нагруженные восточными товарами, бороздили просторы Средиземного моря и приносили баснословные прибыли. Кёр вел разработку серебряных, медных, свинцовых рудников, открыл ряд текстильных мануфактур, создал свои торговые конторы в Лионе, Руане, Туре, Париже, Брюгге, Флоренции и многих других городах Европы. Благодаря своей смекалке и деловой хватке он стал одним из богатейших людей Франции и был избран в Генеральные штаты.

В тот период бедой для Франции были не только и не столько англичане, коим покойная Жанна д'Арк надавала хороших тумаков, сколько шляющиеся по всей стране безработные наемники, которые грабили, убивали, насиловали... В 1439 году на проходившем в Орлеане заседании Генеральных штатов Жак Кёр выступил с революционным предложением, которое,

во-первых, помогло бы покончить с «бродячей напастью» в виде безработных наемников, а во-вторых, должно было привести (и привело) к поражению Англии в Столетней войне.

Суть идеи Кёра состояла в том, чтобы отобрать из числа празднующихся наемников отряды получше с командирами попримечнее, взять на жалованье, превратить в постоянные королевские войска и, используя их мечи, перебить вторую половину наемников. Ну а затем – солдаты они или нет? – наемники должны были показать свою доблесть, воюя с англичанами.

Предложение было воистину необычным. Средневековые государства, в которых преобладало натуральное хозяйство, налоги собирали в основном продуктами производства, а не денежными средствами. Поэтому, и именно поэтому, Европа регулярных армий не знала. Ну не относить же к таковым феодальные дружины, служившие за кров, пропитание и привилегии?

Спрашивается, каким же образом, не имея должного количества наличности, король должен был содержать эти войска? Кёр выступил и со вторым предложением. На содержание армии, по его замыслу, Генеральные штаты должны были дать королю санкцию на сбор не натурального, а денежного налога. Фураж же создаваемая армия должна была получать по месту дислокации.

Депутаты Генеральных штатов подумали, почесали в затылках и решили, что пусть уж лучше король потихоньку стрижет, чем незнакомые люди с длинными копьями обдирают. Предложение Кёра было принято.

Эти 15 ордонансовых (то есть существующих по королевскому приказу) рот получили организацию, отвечающую средневековой тактике; каждая рота состояла из 100 копий, по 4 бойца и 2 слуг в каждом (конные и пешие вместе); стоявший во главе роты прежний бандитский капитан (голова) стал называться королевским капитаном.

В ордонансе 1445 года указывалось: «Означенные латники будут стоять в добрых городах всего королевства». Каждая провинция, в которой квартировалась ордонансовая рота, должна была снабжать ее продовольствием. Создание регулярной армии закладывало фундамент новых веков, а с ними – абсолютизма королевской власти.

Выступление Кёра не осталось незамеченным Его Величеством: в 1440 году Карл VII назначил его королевским казначеем, в 1441 даровал дворянство, а в 1442 году ввел его в королевский совет.

Кёр провел реорганизацию финансов, позволившую воплотить в жизнь идею создания регулярных войск, при его участии была проведена денежная реформа, улучшившая положение в сфере финансов, введена полноценная монета. Особенно заметными были успехи в качественном и количественном росте артиллерийского парка и в тактическом применении артиллерии. На первые роли при дворе вышла «партия войны», возглавляемая коннетаблем де Ришмоном и Кёром.

Ко всему прочему, Кёр был еще и дипломатом. Именно при его посредничестве был заключен мирный договор между родосскими рыцарями и мамелюками.

Он скупал поместья у разорявшихся дворян, ссужал аристократию и даже самого короля деньгами. Именно на его деньги была проведена нормандская кампания.

В Бурже он возвел великолепный дворец Пале-Жак-Кёр – «домик», как он его называл. Строительство было закончено в 1450 году. Здание построили в стиле французского ренессанса, а украсили в готическом стиле. Замок стоит по сей день и является одной из достопримечательностей долины Луары. Правда, пожить ему в нем так и не довелось.

Неожиданно скончалась фаворитка Карла VII – Агнесса Сорель. Смерть ее была столь скорострительной и неожиданной, что ни у кого не было сомнений, что ее отравили. Срочно начались поиски козла отпущения.

Вначале грешили на дофина Людовика, который всегда презирал и ненавидел Агнессу. Ему тут же припомнили случай в Шиноне, когда дофин отвесил Сорель пощечину и прокричал: «Клянусь Богом, от этой женщины все наши несчастья!». Летописец Монстреле писал

по этому поводу: «Ненависть Карла VII к Людовику привела к тому, что принц неоднократно бранил своего отца и выступал против него из-за красавицы Агнессы, которая была в большей милости у короля, чем сама королева. Поэтому дофин ненавидел фаворитку и со злости решил ускорить ее смерть...»

Однако прошло 18 месяцев, и придворная дама Жанна Вандом под присягой заявила, что Агнессу Сорель отравил Жак Кёр. Кто ее подбил на клевету – это неизвестно, но, видимо, без жадного и завистливого Карла VII не обошлось, поскольку расследование было назначено практически мгновенно, а уже через неделю Кёр был арестован и предстал перед судом в компании нескольких личностей с более чем сомнительной репутацией.

Арест Кёра, удививший все королевство, был на руку многим знатным и влиятельным персонам, задолжавшим королевскому казначею крупные суммы денег, да и сам король вряд ли горел желанием расплачиваться с Кёром. Ну а нет человека – нет проблемы.

Судьи быстро смекнули, откуда ветер дует, и приступили к обличению «убийцы», бывшего, кстати, близким другом покойной Агнессы Сорель. Процесс пошел.

Вначале Кёру, естественно, предъявили обвинение в отравлении, но доказательства, предоставленные мадам де Вандом, были настолько несостоятельны и надуманы, что по этой статье обвинения осудить Кёра не смог даже столь предвзято настроенный суд. Тогда начались поиски хоть сколько-нибудь подходящего обвинения. В результате Кёра осудили за растрату казны. «Что касается отравления, процесс пока еще не дошел до стадии вынесения приговора, о котором всем в ближайшее время сообщат...» – гласило судебное решение. Кёр был заключен в тюрьму, а все его состояние конфисковали. Конечно, кое-что у него имелось и за границей, но оторванное от основной части его компании, лишенное должного управления и финансовой поддержки, все его хозяйство стремительно пришло в упадок. Кёр был разорен.

К счастью для него, ему удалось бежать из Франции. Он направился на юг, в Папскую область, где был благосклонно принят Каликстом III.

О, папа был выдающейся личностью! Этот выходец из семейства Борджиа сумел закрепить власть своей семьи на большей части Италии: он провел ряд церковных реформ и даже пытался устроить новый крестовый поход, для чего Папская область обзавелась собственным флотом.

Частью этого флота, действовавшего против турок, Каликст III и поручил командовать Кёру. Тот принял предложение папы, ведь надо же было чем-то кормиться. Но это стало последним предприятием Жака Кёра. Во время кампании он скончался и был похоронен на острове Хиос.

Каролинг, витающий в облаках. Клод Анри де Рувруа Сен-Симон и его последователи

Потомок Карла Великого, герой Войны за независимость Соединенных Штатов Америки, полковник французских королевских войск, кавалер двух орденов, граф, предприниматель и философ, чьи идеи легли в основу и «позитивной философии» Огюста Конта, и в основу марксистской «классовой теории», человек, которого слуга обязан был будить словами: «Вставайте, граф, Вас ждут великие дела», – все это об одном человеке, Клоде Анри де Рувруа Сен-Симоне.

Он родился в Париже в 1760 году, в богатой и знатной семье, что дало ему возможность получить блестящее воспитание. Еще не достигнув 13 лет, он вступил в конфликт с собственным отцом (командиром гвардейской бригады Войска польского), объявив ему, что изменил свои религиозные убеждения и к причастию ходить отказывается. Отец его был мужчиной нрава крутого и попросту засадил сына в темницу, откуда юный Клод сбежал, зарезав собственного тюремщика. Такой довод отца убедил.

В 17 лет Клод Анри поступил на военную службу, как того требовали семейные традиции. Спустя два года он в составе французского экспедиционного корпуса направился на помощь борющимся за независимость Соединенным Штатам Америки. В течение 5 лет он доблестно сражался с англичанами под началом самого Джорджа Вашингтона и был награжден французским орденом Святого Людовика и американским орденом Цинцинната. К концу кампании ему был присвоен чин полковника.

При возвращении на родину корабль Сен-Симона захватили англичане. Вместе с другими пленными молодой граф оказался на Ямайке, и лишь в 1784 году ему удалось вернуться в Париж, где он вскоре получил назначение на должность коменданта крепости Мец. Перед ним открывалась блестящая карьера, но подобное времяпрепровождение скоро наскучило ему. Подал в отставку, он отправился в Голландию, а затем в Испанию.

В обеих странах он вел себя скорее как искатель приключений и прожектор, чем как представитель знатной и родовитой фамилии. В Голландии он готовил военно-морскую экспедицию для захвата у англичан Индии. В Испании составил проект большого канала для соединения Мадрида с морем (причем работы должны были выполняться иностранцами, которых Сен-Симон обязался завербовать на военную службу испанской короне) и организовал, не без успеха, кампанию почтово-пассажирских перевозок.

Французскую революцию он воспринял с энтузиазмом. Правда, поместье у него конфисковали, но об этом он не сожалел, а от графского титула и древнего имени официально отказался и принял имя гражданина Бонома (от французского *bonhomme* – «простак, мужик»).

В 1791 году Сен-Симон вернулся в Париж, где организовал совместное дело со знакомым ему еще с Испании немецким дипломатом бароном Редерном. Оно заключалось в банальных спекуляциях землей, которые в этот период приняли огромные масштабы в связи с распродажей собственности, конфискованной республикой у дворян и церкви.

Сен-Симон

Сен-Симон оказался ловким дельцом и к 1794 году уже нажил более чем солидное состояние, но тут «звучит гром среди ясного неба» – якобинцы бросили его в тюрьму как классово враждебный элемент. В застенках бывший граф провел около года и уже успел проститься с жизнью, но термидорианский переворот спас его от встречи с «мадам Гильотиной». Выйдя на волю, будущий философ вновь взялся за спекуляции, и в 1796 году богатство его и его партнеров оценивалось уже в 4 млн франков. Но тут в Париж вернулся барон Редерн, благоразумно переждавший лихие времена на родине.

Редерн, от имени которого совершались все сделки, предъявил претензии на все, что удалось заработать компаньонам. После долгих препирательств Сен-Симону, «натаскавшему каштанов из огня» ушедшему барону, приходилось удовольствоваться отступным в «жалкие» 150 тыс. франков. С этого момента гражданин Боном махнул рукой на предпринимательскую деятельность. В его жизни появилось новое увлечение – наука.

Потомок Карла Великого пришел к убеждению, что его высшим призванием является преобразование науки, объединение различных отраслей человеческого знания в единое целое. И Сен-Симон начал изучать естественные науки, правда, способ для этого он выбрал довольно-таки оригинальный. Вместо того чтобы, как все нормальные люди, посещать лекции, он приглашал профессоров к себе, где угощал их роскошными обедами, а в перерывах между блюдами вел с ними беседы на научные темы. Приобретаемые таким путем знания были, мягко говоря, не совсем академическими.

В это же время Сен-Симон много путешествовал по Европе, встречался с выдающимися учеными своего времени, вел активную переписку. Тут ему пришла в голову еще одна оригинальная идея: он решил расширить свой кругозор путем познания всех страстей людей и их слабостей. Как этого добиться? Проще простого. Сен-Симон открыл двери своего салона для самого разнообразного общества – светских людей, художников, артистов, игроков, красивых женщин и тому подобной публики. Но, поскольку он был холост, его салон был лишен хозяйки, а ее наличие являлось неперенным атрибутом любого приличного салона. Что делать – при-

шло бедняге жениться. Однако семейное счастье продолжалось недолго: к 1805 году выяснилось, что от его денег ничего не осталось. Он превратился в нищего и разом лишился всего: дома, салона и жены, которая ушла от него. О познании страстей и слабостей людей пришлось забыть.

Последняя попытка Сен-Симона самостоятельно экспериментировать над жизнью выглядит как скверный анекдот. Бывший граф, которому в это время было уже за 40 лет, отправился в Женеву к госпоже Сталь, умнейшей и образованнейшей женщине Европы того времени, которая едва ли когда-либо слыхала о нем, и обратился к ней с речью приблизительно следующего содержания: «Вы – умнейшая женщина нашей эпохи, я – умнейший мужчина. Почему бы нам не стать мужем и женой?». Получилось примерно как в фильме «Обыкновенное чудо»: «Вы – привлекательны, я – чертовски привлекателен...» Сталь только рассмеялась. Потерпев полный афронт, Сен-Симон поселился там же, в Женеве. Оказавшись без средств, он соглашался на любой заработок и одно время даже работал переписчиком бумаг в ломбарде.

С этого времени жизнь Сен-Симона полна тягот и лишений, но именно вторая половина его жизни, проведенная в бедности и презрении, принесла ему славу.

В Женеве в 1803 году Сен-Симон издал свой первый литературный труд – «Письма женевого обитателя к современникам» («Lettres d'un habitant de Geneve a ses contemporains»). Это была маленькая брошюра из трех писем туманного содержания. В этом егоopusе примечательно то, что именно в нем впервые в истории политической науки революция во Франции рассматривалась как противостояние трех классов: аристократии, духовенства и пролетариата. Можно смело утверждать, что именно «Письма» заложили первый камень в фундамент марксизма.

Вторым примечательным моментом этой книги было освещение роли науки в деле преобразования общества. Сен-Симон писал: «Взгляните на историю прогресса человеческого разума, и вы увидите, что почти всеми образцовыми произведениями его мы обязаны людям, стоявшим особняком и нередко подвергавшимся преследованиям. Когда их делали академиками, они почти всегда засыпали в своих креслах, а если и писали, то лишь с трепетом и только для того, чтобы высказать какую-нибудь маловажную истину».

Третьим примечательным моментом книги была идея, которую впоследствии воплотил в жизнь Альфред Нобель, создавая свою знаменитую научную премию.

В 1805 году Сен-Симон случайно встретил своего бывшего слугу по фамилии Диар. Тот за время службы у Сен-Симона сколотил кое-какое состояние и теперь решил отплатить добром. Диар предоставил своему бывшему хозяину кров и стол. Клод Анри принял помощь Диара.

Кто знает, чего это стоило гордому потомку Карла Великого? Мучался ли он, сознавая то, что стал приживальщиком, страдал ли от собственной беспомощности и никчемности? Размышлял ли мучительно долгими бессонными ночами о том, где и когда все пошло не так, где он оступился, ошибся, когда выпустил из рук «синюю птицу»? Проигрывал ли он в голове свою жизнь вновь и вновь, размышлял ли о том, что было бы, если бы он поступил так, а не иначе? Размышлял ли о собственной научной несостоятельности?

Или, быть может, он воспринял помощь Диара как должное, как знак свыше, что идет он верно и путь его правильный? Увидел ли в этой встрече руку провидения, толкавшую его к новым научным изысканиям, почувствовал ли прилив сил и вдохновения?

А быть может, ему было уже все равно? Может статься, он уже лишился гордости и самоуважения и ему было безразлично, от кого и какую помощь принять? Возможно, он не видел ничего особенного в том, что один человек помогает другому, просто так, из добрых побуждений? Кто знает? И кто осудит?

Так или иначе, но Сен-Симон пользовался помощью Диара до самой смерти последнего, наступившей в 1810 году. На его деньги он выпустил свою вторую работу – «Введение к науч-

ным трудам XIX века». Эту, как и несколько последующих книг, он печатал небольшим тиражом и рассылал книги видным ученым и политическим деятелям, прося у них критики и помощи в работе, сопровождая посылку письмами такого содержания: «Милостивый государь! Будьте моим спасителем. Я умираю с голоду. Мое положение отнимает у меня возможность изложить мои идеи достойным образом; но значение моего открытия не зависит от способа изложения. Достиг ли я того, чтобы проложить новую философскую дорогу? Вот вопрос. Если вы возьмете на себя труд прочесть мое сочинение, я спасен. Преданный в продолжение многих лет отысканию нового пути в области мысли, я по необходимости должен был удалиться от школы и от общества... Я сделал открытие чрезвычайной важности... Занятый единственно общим интересом, я пренебрегал своими собственными делами и через это дошел до следующего положения: мне нечего есть, я работаю без огня. Я продал даже свою одежду для того, чтобы иметь возможность переписать свое сочинение. Стремление к науке и общественному благу, желание найти средства для мирного окончания страшного кризиса, в котором находится европейское общество, привели меня в столь несчастное положение, и потому я не краснея признаю свою бедность и прошу помощи для того, чтобы продолжать свою работу».

Но ни помощи, ни отзывов он не получал. Ну еще бы: в своем письме Наполеону I он заявил, что знает путь для заключения мира с Англией. Путем этим было прекращение военных действий и отказ от достигнутых завоеваний. Иначе, писал Сен-Симон, Бонапарт погубит Францию. Его Величество император и король приказал полиции следить за философом. Впрочем, история их рассудила.

1810–1812 годы стали для бывшего графа самыми тяжелыми. Он продал все, что только мог, питался хлебом и водой, да и хлебом нерегулярно. Но чем тяжелее становилось, тем упорнее и напряженнее он работал. Именно в эти годы окончательно сформировались его взгляды на общество, которые он изложил в ряде зрелых работ, опубликованных начиная с 1814 года. Дух Сен-Симона сломен не был.

Жил он в это время исключительно поддержкой благотворителей всех мастей, при этом без стеснения заявляя, что может попросить помощи у кого угодно и при этом не покраснеть, ведь деньги ему нужны не для гулянок или пропоя, не для себя даже. Деньги требуются для продолжения трудов, целью которых является общественное благо. Он просил помощи даже у барона Редерна, с которым в свое время разругался в пух и прах и о котором отзывался крайне резко как о человеке самом ничтожном и заслуживающем полного презрения. Что ж, *fine gustifica i mezzi* – цель оправдывает средства. Правда, Редерн денег не дал.

Внимание общественности Сен-Симон сумел привлечь своей брошюрой о послевоенном обустройстве Европы. Именно там он впервые озвучил свою идею о том, что «золотой век человечества не позади нас, а впереди». Именно разработка пути достижения этого самого «золотого века» легла в основу всех его последующих работ.

Получив некоторую известность, Сен-Симон несколько поправил свои дела. Преобразования общества, о которых он мечтал, должны были стать делом рук ученых, банкиров и предпринимателей, в среде которых он нашел отклик. Состоятельные люди начали давать ему деньги на выпуск его трудов (которые быстро приобрели известность), у него появились последователи, которые были хоть и немногочисленны, но зато известны, например философ Конт и историк Тьери, причем последний называл себя не иначе как «приемный сын Сен-Симона».

В личном плане жизнь тоже наладилась. Теперь с ним жила верная мадам Жюлиан – ближайший друг, секретарь и экономка. Свои труды он диктовал ей или кому-либо из учеников.

Правда, он не желал быть «рупором буржуазии», его работы отличались независимостью и не преследовали целей пропаганды политических идей, выгодных какому-либо классу. Группа «денежных мешков», давших деньги на издание одного из сочинений Сен-Симона, публично отказалась от его идей и заявила, что он ввел их в заблуждение и обманул доверие.

А вскоре Сен-Симон попал под суд за оскорбление августейшей фамилии. В своей «Притче» он заявил, что Франция ничего не лишится, если в один прекрасный день пропадут аристократы, чиновники, политики, священники и вся королевская семья, но вот если пропадут ученые, художники, мастера и ремесленники, Франция погибнет. Суд присяжных оправдал его, усмотрев в этих словах лишь парадоксальную игру ума, не более того.

И все же, несмотря на некоторые успехи, Сен-Симон по-прежнему был беден как церковная мышь. Он устал от такого существования, жизнь за счет подачек и милостыни надломил этого некогда гордого аристократа. В мае 1825 года он решил покончить жизнь самоубийством. Взяв пистолет, он попытался застрелиться, но, видимо, рука дрогнула, и вместо того, чтобы вышибить мозги, Сен-Симон вышиб себе глаз.

После неудачной попытки суицида он прожил еще два года и скончался, в лучших традициях античных философов, на руках у своих учеников. За несколько дней до этого увидела свет его последняя работа – «Le nouveau christianisme» («Новое христианство»).

Последние слова Сен-Симона были обращены к его любимому ученику Родригу: «Яблоко зрело, но вы его сорвете. Мой последний труд „Новое христианство“ не будет понят немедленно. Думали, что религия должна исчезнуть, потому что католицизм одряхлел. Это ошибка: религия не может исчезнуть из мира; она только преобразуется... Родриг, не забывайте этого! И помните, чтобы совершать великие дела, нужно быть вдохновенным... Вся моя жизнь резюмируется одной мыслью: обеспечить всем людям наиболее свободное развитие их способностей». Затем наступило короткое молчание и умирающий прибавил: «Через двое суток после нашей второй публикации партия рабочих образуется. Будущее принадлежит нам». Сказав так, он положил руку себе на голову и скончался.

Однако же на этом история Клода Анри де Рувруа Сен-Симона, гражданина Бонома не заканчивается. Он умер, но ученики продолжили его дело.

После революции 1830 года, окончательно изгнавшей Бурбонов из Франции, на домах города Парижа во множестве появились манифесты, требовавшие уничтожения всех привилегий рождения, в том числе и наследственной собственности; провозглашался новый принцип распределения: «От каждого по его способности и каждому по его делам». В пророческом тоне возвещалось много другого, столь же странного и непонятного. Манифест был подписан следующей фразой: «Базар – Анфантен, провозвестники учения Сен-Симона».

Реакция на манифест была неоднозначной, но достаточно бурной. Чего стоит один только факт обсуждения его в палате депутатов. Некоторые народные избранники сочли весь этот эпизод достаточно серьезным, чтобы обратить внимание правительства на опасность пропаганды новой секты для общественного порядка.

Дела сенсимонистов круто пошли в гору. Их смелые и новые мысли, их блестящие ораторы, их глубокая вера в свое учение – все это привлекало внимание обывателей и делало им хорошую рекламу в обществе. Проповеди Базара и Анфантена собирали по несколько тысяч слушателей. Церкви сенсимонистов появились в Париже, Дижоне, Тулузе, Лионе, Меце (где Сен-Симон некоторое время был комендантом) и Монпелье.

В сенсимонистскую общину вступало много образованных, талантливых и небедных людей. Историк Луи Блан в своей «L'histoire de dix ans» писал: «Оставляя свои занятия, свои стремления к богатству, свои привязанности детства, инженеры, артисты, медики, адвокаты, поэты приходили сюда, чтобы соединить свои благороднейшие надежды... Это был опыт религии братства!.. Отсюда отправлялись миссионеры, чтобы сеять слово Сен-Симона по всей Франции, и эти миссионеры везде оставляли свои следы: в салонах, замках, отелях, хижинах. Одними они были встречаемы с энтузиазмом, другими – с насмешкой или враждой. Но миссионеры были неутомимы в своей деятельности».

Из среды сенсимонистов вышли блестящие ученые, философы, публицисты, но никакого прямого влияния на рабочих сенсимонизм не оказал – это было исключительно интеллигент-

ское движение. Отрицая идею родовой аристократии, оно шло путем создания аристократии интеллектуальной, провозглашения ее наиболее прогрессивной, если не единственно достойной частью человечества.

Организация сенсимонистов стала религиозной общиной. Афантен и Базар стали называться верховными отцами, они венчали сенсимонистов и совершали обряды при погребении. В мастерской общины трудилось до 4000 человек, годовой же бюджет ее был больше 200 тыс. франков.

Но уже в 1831 году в среде сенсимонистов произошел раскол: верховные отцы не смогли прийти к единому мнению по поводу положения женщины в их церкви. Афантен исходил из посылки, что мужчина и женщина являются неразделимым социальным индивидом, а потому во главе церкви должна стоять разнополая пара. К тому же он утверждал, что дух и тело прекрасны в равной степени, а чувственность имеет столько же прав на удовлетворение, как и метания духа. Эти его тезисы легли в основу нового нравственного учения – *rehabilitation de la chair* (восстановление прав плоти). Базар новое учение не принял и был вынужден покинуть общину, после чего вскоре умер.

Главой церкви остался Афантен, однако второе кресло первосвященника пустовало. Сенсимонисты приступили к поиску жены для Афантена – женщины, согласной и достойной занять высокое место матери сенсимонистов. Учение Сен-Симона начинало превращаться в фарс.

Община прилагала все мыслимые усилия к тому, чтобы подобрать невесту для своего красавца первосвященника (а был он в ту пору молодым и очень красивым мужчиной с черными глазами и выразительными чертами лица). О ее ниспослании молились на собраниях; специально для того, чтобы присмотреть Афантену достойную подругу, устраивали балы; посылали своих людей по городам и селениям... На сие «богоугодное» занятие уходили все средства общины, и вскоре наступил ее финансовый крах. Несколько десятков оставшихся до конца верными адептов Афантена удалились со своим учителем во главе в его наследственное имение Менильмонтан вблизи Парижа и устроили последнюю сенсимонистскую общину.

Дабы привлечь угасшее внимание французов к сенсимонизму, для членов общины был изобретен специальный костюм, довольно-таки живописный, надо заметить. Мужчины общины отпустили бороды, что по тем временам было большой редкостью, а также волосы до плеч.

Работали сенсимонисты мало, зато во время работы пели гимны и совершали обряды. Дух основателя учения окончательно покинул его адептов.

Закончилось все тем, что члены общины были обвинены в безнравственности и пропаганде вредных учений. Суд присудил их к длительному тюремному заключению.

Крах уральской династии. Потомки Турчанинова

Матушка Елизавета Петровна любила получать подарки, кои, выражая свои верноподданнические чувства, посылали ей со всех концов Российской империи купцы, промышленники, дворяне и помещики. Не только, конечно же, чтобы порадовать государыню, но и для того, чтобы напомнить императрице, что есть-де такой, служащий ей верно и беззаветно.

Вот и ныне, в начале месяца января года от Рождества Христова 1753, смотрела государыня Елизавета, что прислали ей подданные в качестве новогоднего подарка.

– А вот, матушка, погляди какой предивный столовый сервиз прислал тебе промышленник Турчанинов, – сказал канцлер Бестужев, подавая знак внести подарок.

– Турчанинов? – переспросила императрица. – Тот, что все солеварни в Соликамске держит? Алексей?

– Он, государыня.

– Ну посмотрим, что же сей славный муж нам прислал.

Елизавета Петровна, Бестужев и еще несколько придворных, пытавшихся обратить внимание царицы на подарки своих протеже, подошли к столу, на котором стоял разноузорный, богато украшенный столовый сервиз из меди.

– Бог ты мой, какая замечательная работа. Порадовал, – произнесла государыня. – Где же он такую прелесть-то достал, а, Бестужев?

– А достал он его на своем плавильном медном заводе, Ваше Императорское Величество, – хитро улыбнулся канцлер.

– Так он сам такое диво выпускает? – удивилась Елизавета. – Богата талантами земля Рассейская...

Императрица не забыла приметный подарок, и 30 марта того же года Сенат выдал Алексею Фёдоровичу Турчанинову патент на чин коллежского асессора «в ранге сухопутного капитана за службу его солепромышленником и фабрикантом Троицкого плавильного медного завода», что соответствовало 8-му классному чину Табеля о рангах. С этого момента дела Турчанинова, и так шедшие неплохо, резко пошли в гору.

А начинал Алексей Фёдорович, тогда еще носивший фамилию Васильев, с того, что 17 сентября 1737 года выгодно женился на дочери соликамского купца Михаила Филипповича Турчанинова, Федосье, и принял фамилию жены. Тесть его был человеком зажиточным, владельцем немалого количества солеварен, а также медного и винокуренного заводов. Но зятю его этого было мало.

Был Алексей человеком до власти и богатства жадным, характер имел настойчивый, цепкий. Вступив в наследование имущества и разорив соликамских солеваров, он скупил их варни и расширил этот промысел. Тогда же расширил он и медноплавильный завод, добавив к уже существовавшим молотовой и плавильне литейный и токарный цеха, а в 1743 году открыл в своей городской усадьбе и фабрику медной посуды. Проработала она, правда, недолго – в июле того же года фабрика сгорела. Тот пожар надолго запомнился жителям Соликамска. В нем сгорело почти 700 домов и погибло 16 человек. Сам Турчанинов, его жена, дворовые и фабричные мастера спаслись просто чудом.

Однако Алексей Фёдорович был упрям и от идеи с посудной фабрикой, о которой еще покойный тесть мечтал, не отказался, отстроив ее уже за городом. В 1745 году фабрика заработала вновь, принося владельцу немалые барыши.

Приказчикам Турчанинов не доверял и для надзора за производством сам поселился рядом с фабрикой, где для него поставили сначала избу, а затем и особняк на каменном фундаменте. Городское имение он оставил жене. Федосью он не любил, а потому появлялся у нее редко, порой раз в два-три года.

Богатея, Алексей Фёдорович постепенно прибирал к своим рукам и власть в Соликамске. Скоро, очень скоро ничто в городе не происходило без его ведома. Турчанинов распоряжался всеми общественными делами, произвольно руководил посадскими выборами и богател, богател. Недовольные им, конечно, были, но того, кто осмеливался возвысить голос против все-сильного промышленника, попросту сильно били. Бывало, что и до смерти.

Производство его ширилось, росла и потребность в мастеровых людях, да и в простой неквалифицированной рабочей силе. «Хозяину города» нетрудно было добиться приписки крепостных, унаследованных от тестя, к своему заводу. Затем он начал закупать крестьян еще. Целыми деревнями, порой за сотни верст, переселялись в Соликамск будущие рабочие.

Но особую «охоту» вел Турчанинов за мастерами. Так, за безумную по тем временам цену в 100 рублей (цена постройки и полного оснащения боевого фрегата) купил он в Санкт-Петербурге мастера Назара Шипова с семьей. Приходили к нему и вольные мастера со всей России.

Получив немалый классный чин (всего их в Табеле о рангах было 14), Турчанинов вступил в борьбу (тендер, как это сейчас называют) за владение казенными заводами, которые императрица решила передать в частные руки. 14 июня 1756 года он направил в Сенат прошение о передаче ему ряда заводов, в котором писал, что понес «огромные убытки в делах с казною по солепромышленности и в делании вещей на Троицком заводе». Ходатайство его, видимо благодаря взяткам и связям, было удовлетворено, хотя кто именно ходатайствовал за промышленника, по сей день не известно. Впрочем, как писал Бажов в своем сказе «Две ящерицы», «Турчанинов в те годы вовсе в силу вошел. С князьями да сенаторами попросту».

По всей видимости, благодаря вмешательству неведомого покровителя Турчанинова в 1758 году Сенат постановил передать промышленнику «в вечное и потомственное владение» Сысертский, Северский и Полевской заводы, находившиеся в Екатеринбургском округе. Тут он умудрился обойти даже таких титанов, как Строгановы и Демидовы. Впрочем, справедливости ради надо отметить, что только те казенные заводы, что были переданы ему, не потерпели разорения.

Получив заводы в собственность, Турчанинов резко сменил политику их эксплуатации. Его не устраивало, что произведенным на них металлом пользуется (а следовательно, получает барыши) кто-то другой. Турчанинов решил продавать не сам металл, который был относительно дешев, а изделия из него. Рядом с заводами были построены металлопрокатная, гранильная и слесарные фабрики, выпускавшие из готового, здесь же производимого сырья полосовое и кровельное железо, предметы домашнего обихода и изящные поделки из полудрагоценных камней, с которыми Турчанинов, ранее торговавший только в Екатеринбурге и Нижнем Новгороде, смог выйти на рынки Таганрога и самого Петербурга. Обладавший чутьем экономиста, Турчанинов всегда безошибочно определял, какой именно товар будет пользоваться спросом, и тут же наполнял им рынок.

А в Соликамске Алексей Фёдорович появлялся все реже и реже. Возможно, и совсем бы перестал он там бывать, предоставив своей набожной супруге проводить время в одиночестве, однако настигла Турчанинова стрела Амура. Этот жестокий и беспринципный человек полюбил собственную крепостную, Филанцету Сушину.

15 января 1763 года умерла его жена, а через год, выдержав положенный приличиями срок, Турчанинов женился на Филанцете, которая вскоре родила ему первенца – сына Алексея.

Хотя и не горевал Турчанинов по Федосье, неприятность ее смерть Алексею Фёдоровичу доставила. Дело в том, что по завещанию покойного тестя Михаила Филипповича после смерти Федосьи большая часть имения и крепостных должна была достаться его племяннику, Николаю Пономарёву, который в то время работал на конкурентов Турчанинова – Строгановых. Такой отток рабочей силы Алексею Фёдоровичу никак понравиться не мог.

И предприимчивый промышленник нашел лазейку! По вновь принятым уложениям Пономарёв, не будучи ни купцом, ни дворянином, владеть землей и крепостными права не имел. Создавался правовой казус, который мог привести к появлению интересного прецедента: завещание есть, а права на владение имуществом нет. Впрочем, до судебного разбирательства не дошло – Турчанинов просто выкупил у свойственника его наследство.

Уже в Сысерти, где Алексей Фёдорович поселился с семьей, у него родился второй сын, которого нарекли Петром. Вскоре Филанцета убедила супруга перебраться обратно, в милый ее сердцу Соликамск, где Турчанинов построил огромную усадьбу из четырех деревянных и двух каменных домов, не считая многочисленных хозяйственных пристроек. Имелся там и фруктовый сад с оранжереями, наподобие тех, что были в Красном Селе у Демидовых. А в 1772 году Турчанинов выкупил и само Красное Село, в саду которого уменьшил количество неплодоносящих, хотя и красивых растений, поставил новые оранжереи и начал выращивать ананасы, виноград, яблоки и мандарины. Сад из ботанического превратился во фруктовый, часть урожая которого шла на подарки нужным людям, ананасы же направлялись прямо к царскому столу. Себя Турчанинов, впрочем, тоже не забывал.

Троицкий завод в Соликамске и фабрику медной посуды он к тому времени перенес в Екатеринбург, в Соликамске же организовал свою резиденцию. Правда, там оставались солеварни, но с управлением ими вполне справлялся его приказчик и брат жены – Никандр Сушин.

Восстание Пугачёва, как ни удивительно, пошло Турчанинову только на пользу. Сначала ему пришлось потратиться, поскольку для обороны своих екатеринбургских и соликамских владений, а заодно и самих городов он вынужден был нанять внушительную охрану, вооружил ее за свой счет и расставил кордоны на подступах. Пугачёв, правда, до тех краев не добрался, однако такое усердие незамеченным не осталось, и 2 мая 1782 года Алексей Фёдорович Турчанинов «с рожденными и впредь рождаемыми его детьми и потомками» был возведен в дворянское достоинство. Более того, Екатерина II пожаловала ему и герб, на котором был изображен «щит, разрезанный надвое: в верхней части, в золотом поле, орлиное крыло, в знак императорской милости; в нижней части, в голубом поле, серебряная цапля, держащая в правой лапе камень в знак того, что он учинил многие услуги. Щит сей увенчан дворянским шлемом с тремя страусовыми перьями».

К этому радостному моменту Турчанинов уже переселился в Северную Пальмиру, где и проживал с женой и восемью детьми. К тому времени он был уже стар, дряхл и болен, полностью отошел от дел и передал управление ими своим приказчикам. Несмотря на то что те, естественно, воровали, к моменту смерти Алексея Фёдоровича, наступившей 21 марта 1787 года, наследство его было довольно велико: дома в разных городах империи, имения в Нижегородской, Пермской, Тамбовской губерниях, заводы в Екатеринбургском уезде, соляные промыслы в Соликамске, мельницы, 32 деревни, Красное Село с садом, 236 душ крепостных мужского пола и 271 – женского, приписных почти 500 душ и усадьба в самом Соликамске.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.